

30 ЯНВ 1988

Комсомолец Узбекистана
г. Ташкент

— В чем, на ваш взгляд, секрет вашей популярности?

— Как в чем?! Очень хорошо собой (смеется).

— Если бы несколько лет назад вам рассказали о будущей карьере...

— Ни за что бы не поверил. Ведь я родился не в актерской семье, в художественной самостоятельности не занимался. И когда журналисты спрашивают у меня: «Как вы в детстве сблизились с искусством?», всякий раз я напругаю память, но ничего, кроме школьного вечера, на котором семиклассник Игорь Костолевский с двумя себе подобными пытался танцевать «Танец маленьких лебедей», вспомнить не могу. Я родился в Москве. Окончив 8 классов, перешел в вечернюю. Два года работал на московском предприятии. Мечтал стать врачом, а поступил в строительный институт. Прочувшись в его стенах три года, неожиданно для себя пришел к выводу, что нужно сменить профессию.

— Решили стать артистом?

— Да.

— Чем было вызвано столь неожиданное решение?

— Я долгое время скрывал его истинную причину, считая ее несерьезной. Но с годами понял, что у каждого молодого человека бывают определенные повороты в судьбе... Словом, мне очень нравилась одна девушка. Вам интересно?

— !

— А девушке очень не нравилось, что я учусь в строительном институте. Ей почему-

то казалось, что я должен заниматься в гуманитарном вузе. Я, правда, так не считал. Но она мне нравилась, поэтому спорить, сами понимаете, не приходилось. В один прекрасный день, когда взаимоотношения особенно обострились, она сказала мне: «Поступай в театральный вуз — там дают гуманитарное образование». И я выбрал ни больше, ни меньше, театральную студию МХАТа — колыбель русского театра, ибо на меньшее был не согласен. Вступительные экзамены начинались в августе. Лето в тот год стояло холодное, и я был тепло одет. А так как гардеробная не работала, то я предстал перед экзаменационной комиссией, в состав которой входил весь цвет МХАТа, в полной амуниции. Не знаю, почему, но я неожиданно стал медленно снимать с себя плащ, потом пиджак, истерически сдернул свитер и уже стал расстегивать рубашку, как вдруг изумленный голос А. Н. Грибова: «Что он делает? Он что, в баню пришел?!», магически меня остановил. От полной растерянности я начал читать: «Дай, Джим, на счастье лапу мне». Опыта чтения стихов у меня абсолютно не было — после первой же строчки меня остановили и посадили на место. Я сразу понял, что попытка стать артистом потерпела фиаско. И действительно, члены комиссии, обсуждая наши выступления, одним абитуриентам советовали изменить репертуар, другим не заниматься этой профессией, а меня... обошли гробовым

молчанием. Совершенно сконфуженный, я стал быстро пробираться к выходу, где меня вновь настиг тот же голос Грибова, он просил остаться. Я думаю, что разговор

учителями!

— Андрея Александровича Гончарова — профессора ГИТИСа, главного режиссера Московского академического театра имени Маяковского.

с Алексеем Николаевичем по-служил начальным толчком к серьезному размышлению о профессии актера... На следующий год я поступил в ГИТИС.

— А что стало с той девушкой, которая в какой-то мере повлияла на вашу судьбу?

— Все в порядке.

— Кого вы считаете своими

Думаю, что он в представлении не нуждается. Недавно ему исполнилось 70 лет. Я бесконечно благодарен Андрею Александровичу за ту школу, которую прошел у него в стенах ГИТИСа. Он живо интересуется всем новым, что появляется не только в театральном искусстве, но и в смежных областях — психо-

логии, социологии, постоянно и настойчиво привлекает своих учеников к этим вопросам. Педагог он жестокий. Справедливо считает, что нет ничего хуже не удавшейся

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

ИГОРЬ

КОСТОЛЕВСКИЙ

«ЧЕЛОВЕКУ

НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ

БЕЗ ВЕРЫ»

актерской судьбы. Поэтому он беспощадно оставлял нас без выходных, без каникул. Каждый день, в течение четырех лет, мы с восьмью утра до двенадцати ночи пропадали в вузе. Это было время одержимого ученичества. А когда нашему педагогу казалось, что этого мало, то он как главный режиссер «занимал»

нас в массовых сценах своего театра. Так что все, что касалось «кушать подано», «пошел вон», то я по этой части большой виртуоз.

— В кино вас «открыл» режиссер В. Я. Мотыль. В фильме «Звезда пленительного счастья» вы сыграли роль декабриста Ивана Анненкова...

— Работать мне было не так легко и просто, как это многим кажется. Знаете, Владимир Яковлевич снял меня вопреки мнению Госкино. Объясняется это просто. У многих артистов, дебютирующих на съемочной площадке, иногда наступает такое психофизическое состояние, которое на языке кинематографистов называется «зажимом». Происходит это, как правило, в самый неподходящий момент.

Если камера не работает и актер репетирует с режиссером, то у него все ладно получается, а как только раздается команда: «Мотор, съемка, начали!» — с ним начинается твориться что-то невообразимое: он цепенеет, деревенеет. Причем формы «зажима» бывают совершенно различные — одни начинают икать, другие чесаться. Что касается меня, то я пыхтел. А начальство, как известно, на репетиции не ходит, а смотрит уже отснятые фрагменты материала. Увидев в роли кавалергарда Анненкова пыхтящего человека, они резонно запротестовали: «Возьмите нормального артиста! Пусть играет кто-нибудь другой, а не этот инвалид!». Они были по-своему правы. И только Мотыль, зная

из наших совместных репетиций о моих потенциальных возможностях, стал снимать меня на свой страх и риск.

— А на экране ваш Иван Анненков совершенно свободно и естественно отрицает житейский расчет, унылую скуку чувств, прозу размеренных будней. Так весело и беззаботно вы скачете на лошади, так легко и непринужденно у вас все получается в картине.

— А я каждый раз смотрю на того, кто мне это говорит, и думаю: «Боже мой, если бы вы только знали, какой кровью мне дался каждый кадр этого фильма». Каждый день я шел на съемки, как в последний бой.

— Вы часто встречаетесь со зрителями, общение с которыми, как я поняла, приносит вам большое удовлетворение. Но зритель бывает разный, а отсюда и вопросы неравноценные...

— На мою долю выпало немало таких встреч. Я считаю, что изначальной позицией артиста, выходящего на сцену, должны быть любовь и уважение к тем, кто пришел пообщаться с ним. А что касается вопросов, то они бывают самые разнообразные, и по ним я всегда могу определить, зачем люди пришли на встречу, с какой аудиторией общаюсь. Однажды мне задали потрясающий вопрос, который я до сих пор не могу забыть: «Как вы лично относитесь к Ален Делону, как к мужчине?».

— И что же вы ответили!

— Я никогда не считал его женщиной.

— А какой вопрос встречается чаще остальных!

— Их несколько. Лучше я сразу на них отвечу: мне 39 лет. Я женат. Счастлив в браке. У меня сын Леша. Мой рост 189.

— Без чего человеку нельзя жить!

— Без веры.

— Быть личностью. Как вы это понимаете!

— Быть человеком с чувством собственного достоинства.

— Вы уже пятнадцатый сезон успешно работаете в Московском академическом театре имени Маяковского, на сцене которого создали разноплановые образы. И все-таки... Все ли театральные мечты сбылись!

— Я не могу назвать артиста, который бы сказал, что он счастлив, что он все сыграл...

А что касается театральной мечты, то я, во-первых, сужен, во-вторых, живу реальной жизнью. И если я захочу, к примеру, сыграть Хлестакова, то одного желания для реализации своей мечты будет недостаточно, ибо я прекрасно понимаю, что в нашем театре «Ревизора» не поставят, а если и поставят, то в силу утекшего времени мне придется играть Городничего.

Интервью вел
И. ГУЛЬЗАРОВА.

Фото Д. Ушарова.